

**ОСТАНОВКА
В ПУСТЫНЕ**

ИОСИФ БРОДСКИЙ

Иосиф Александрович Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде, в еврейской семье. Он по сей день живет в своем родном городе, в одной квартире с родителями. Отец Иосифа Бродского, фотограф по профессии, в настоящее время пенсионер.

Пятнадцать лет, по окончании восьмого класса, Бродский оставил школу. После этого он серьезно занялся самообразованием, изучил польский и английский языки. Он посвятил много времени глубокому знакомству с польской, английской и американской поэзией, классической мифологией, религиозной философией и т. д.

Писать стихи Бродский начал в 1958 году. Очень скоро он получил признание Анны Ахматовой как талантливейший лирик своего поколения. В декабре 1963 года, когда Бродский находился в психиатрической лечебнице в ожидании ареста, Ахматова адресовала ему такое посвящение на одном из своих поэтических сборников: «Иосифу Бродскому, чьи стихи кажутся мне волшебными».

В марте 1964 года суд в Ленинграде приговорил Иосифа Бродского к пяти годам административной высылки как «тунеядца», не занимающегося общественно полезным трудом. Поэта выслали в Архангельскую область на севере России, где он был вынужден выполнять тяжелую физическую работу.

Но в ноябре 1965 года Бродскому разрешили вернуться. С того времени Иосиф Бродский продолжает жить в Ленинграде, пишет стихи и делает поэтические переводы.

Величайшим поэтом-лириком Бродский считает Джона Донна. Известно сильное стихотворение Бродского «Большая элегия Джону Донну» (1963). Двумя годами позже появились «Стихи на смерть Т. С. Элиота», написанные в подражание стихотворению Одена «Памяти Йейтса» (1939). Сейчас (в 1970 году) Иосиф Бродский заканчивает книгу переводов из английских поэтов-метафизиков для ленинградского издательства. Он также недавно перевел пьесу ирландского писателя Брендана Бехана «The Quare Fellow».

В ленинградских литературных альманахах 1966 и 1967 годов напечатаны четыре стихотворения Иосифа Бродского, но подавляющее большинство произведений поэта в Советском Союзе не опубликовано. Летом 1969 года Иосифа Бродского приглашали на встречу «Интернационала поэтов» в Лондоне и на «Фестиваль двух миров» в Сполето (Италия), однако ему пришлось отказаться от этих приглашений.

⟨1970⟩

...Men must endure
Their going hence, even as their coming hither:
Ripeness is all.

King Lear, Act V, Scene 2

ХОЛМЫ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОМАНС

Евгению Рейну, с любовью

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый.
Полночный поезд новобрачный
плывет в тоске необъяснимой.

Плывет во мгле замоскворецкой
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на желтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья
под Новый год, под воскресенье,
плывет красotka записная,
своей тоски не объясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несет сочельник
над головою.

Твой Новый год по темно-синей
волне средь моря городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будут свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

28 декабря 1961

БОЛЬШАЯ ЭЛЕГИЯ ДЖОНУ ДОННУ

Джон Донн уснул, уснуло всё вокруг.
Уснули стены, пол, постель, картины,
уснули стол, ковры, засовы, крюк,
весь гардероб, буфет, свеча, гардины.
Уснуло всё. Бутыль, стакан, тазы,
хлеб, хлебный нож, фарфор, хрусталь, посуда,
ночник, белье, шкафы, стекло, часы,
ступеньки лестниц, двери. Ночь повсюду.
Повсюду ночь: в углах, в глазах, в белье,
среди бумаг, в столе, в готовой речи,
в ее словах, в дровах, в щипцах, в угле
остывшего камина, в каждой вещи.
В камзоле, в башмаках, в чулках, в тенях
за зеркалом, в кровати, в спинке стула,
опять в тазу, в распятыи, в простынях,
в метле у входа, в туфлях. Всё уснуло.
Уснуло всё. Окно. И снег в окне.
Соседней крыши белый скат. Как скатерть
ее конек. И весь квартал во сне,
разрезанный оконной рамой насмерть.
Уснули арки, стены, окна, всё.
Бульжники, торцы, решетки, клумбы.
Не вспыхнет свет, не скрипнет колесо...
Ограды, украшенья, цепи, тумбы.
Уснули двери, кольца, ручки, крюк,
замки, засовы, их ключи, запоры.

Нигде не слышен шепот, шорох, стук.
Лишь снег скрипит. Всё спит. Рассвет не скоро.
Уснули тюрьмы, замки. Спят весы
среди рыбной лавки. Спят свиные туши.
Дома, задворки. Спят цепные псы.
В подвалах кошки спят, торчат их уши.
Спят мыши, люди. Лондон крепко спит.
Спит парусник в порту. Вода со снегом
под кузовом его во сне сипит,
сливаясь вдалеке с уснувшим небом.
Джон Донн уснул. И море вместе с ним.
И берег меловой уснул над морем.
Весь остров спит, объятый сном одним.
И каждый сад закрыт тройным запором.
Спят клены, сосны, грабы, пихты, ель.
Спят склоны гор, ручьи на склонах, тропы.
Лисицы, волк. Залез медведь в постель.
Наносит снег у входов нор сугробы.
И птицы спят. Не слышно пенья их.
Вороний крик не слышен, ночь, совиный
не слышен смех. Простор английский тих.
Звезда сверкает. Мышь идет с повинной.
Уснуло всё. Лежат в своих гробах
все мертвецы. Спокойно спят. В кроватях
живые спят в морях своих рубах.
Поодиночке. Крепко. Спят в объятьях.
Уснуло всё. Спят реки, горы, лес.
Спят звери, птицы, мертвый мир, живое.
Лишь белый снег летит с ночных небес.
Но спят и там, у всех над головою.
Спят ангелы. Тревожный мир забыт
во сне святыми — к их стыду святому.

Геенна спит, и Рай прекрасный спит.
Никто не выйдет в этот час из дому.
Господь уснул. Земля сейчас чужда.
Глаза не видят, слух не внемлет боле.
И дьявол спит. И вместе с ним вражда
заснула на снегу в английском поле.
Спят всадники. Архангел спит с трубой.
И кони спят, во сне качаясь плавно.
И херувимы все — одной толпой,
обнявшись, спят под сводом церкви Павла.
Джон Донн уснул. Уснули, спят стихи.
Все образы, все рифмы. Сильных, слабых
найти нельзя. Порок, тоска, грехи,
равно тихи, лежат в своих силлабах.
И каждый стих с другим, как близкий брат,
хоть шепчет другу друг: чуть-чуть подвинься.
Но каждый так далек от райских врат,
так беден, пуст, так чист, что в них — единство.
Все строки спят. Спит ямбов строгий свод.
Хореи спят, как стражи, слева, справа.
И спит виденье в них летейских вод.
И крепко спит за ним другое — слава.
Спят беды все. Страданья крепко спят.
Пороки спят. Добро со злом обнялось.
Пророки спят. Белесый снегопад
в пространстве ищет черных пятен малость.
Уснуло всё. Спят крепко толпы книг.
Спят реки слов, покрыты льдом забвенья.
Спят речи все, со всею правдой в них.
Их цепи спят; чуть-чуть звенят их звенья.
Все крепко спят: святые, дьявол, Бог.
Их слуги злые. Их друзья. Их дети.

И только снег шуршит во тьме дорог.
И больше звуков нет на целом свете.

Но, чу! Ты слышишь — там, в холодной тьме,
там кто-то плачет, кто-то шепчет в страхе.
Там кто-то предоставлен всей зиме.
И плачет он. Там кто-то есть во мраке.
Так тонок голос! Тонок, впрямь игла.
А нити нет... И так он одиноко
плывет в снегу. Повсюду холод, мгла...
Сшивая ночь с рассветом... Так высоко!
«Кто ж там рыдает? Ты ли, ангел мой,
возврата ждешь, под снегом ждешь, как лета,
любви моей? Во тьме идешь домой.
Не ты ль кричишь во мраке?» — Нет ответа.
«Не вы ль там, херувимы? Грустный хор
напомнило мне этих слез звучанье.
Не вы ль решились спящий мой собор
покинуть вдруг. Не вы ль? Не вы ль?» —
Молчанье.

«Не ты ли, Павел? Правда, голос твой
уж слишком огрублен суровой речью.
Не ты ль поник во тьме седой главой
и плачешь там?» — Но тишь летит навстречу.
«Не та ль во тьме прикрыла взор рука,
которая повсюду здесь маячит?
Не ты ль, Господь? Пусть мысль моя дика,
но слишком уж высокий голос плачет».
Молчанье. Тишь. — «Не ты ли, Гавриил,
подул в трубу, а кто-то громко лает?
Но что ж, лишь я один глаза открыл,
а всадники своих коней седлают.

Всё крепко спит. В объятьях крепкой тьмы.
А гончие уж мчат с небес толпою.
Не ты ли, Гавриил, среди зимы
рыдаешь тут, один, впотьмах, с трубою?»

«Нет, это я, твоя душа, Джон Донн.
Здесь я одна скорблю в небесной выси
о том, что создала своим трудом
тяжелые, как цепи, чувства, мысли.
Ты с этим грузом мог вершить полет
среди страстей, среди грехов и выше.
Ты птицей был и видел свой народ
повсюду, весь, взлетал над скатом крыши.
Ты видел все моря, весь дальний край.
И Ад ты зрел — в себе, а после — в яви.
Ты видел также явно светлый Рай
в печальнейшей — из всех страстей — оправе.
Ты видел: жизнь, она как остров твой.
И с Океаном этим ты встречался:
со всех сторон лишь тьма, лишь тьма и вой.
Ты Бога облетел и вспять помчался.
Но этот груз тебя не пустит ввысь,
откуда этот мир — лишь сотня башен
да ленты рек, и где, при взгляде вниз,
сей страшный суд почти совсем не страшен.
И климат там недвижим, в той стране.
Оттуда всё как сон больной в истоме.
Господь оттуда — только свет в окне
туманной ночью в самом дальнем доме.
Поля бывают. Их не пашет плуг.
Года не пашет. И века не пашет.
Одни леса стоят стеной вокруг,

и только дождь в траве огромной пляшет.
Тот первый дровосек, чей тощий конь
вбежит туда, плутая в страхе чащей,
на сосну взлезши, вдруг узрит огонь
в своей долине, там, вдали лежащей.
Всё, всё вдали. А здесь неясный край.
Спокойный взгляд скользит по дальним крышам.
Здесь так светло. Не слышен псиний лай.
И колокольный звон совсем не слышен.
И он поймет, что всё — вдали. К лесам
он лошадь повернет движеньем резким.
И тотчас вожжи, сани, ночь, он сам
и бедный конь — все станет сном библейским.

Ну, вот я плачу, плачу, нет пути.
Вернуться суждено мне в эти камни.
Нельзя придти туда мне во плоти.
Лишь мертвой суждено взлететь туда мне.
Да, да, одной. Забыв тебя, мой свет,
в сырой земле, забыв навек, на муку
бесплодного желанья плыть вослед,
чтоб сшить своею плотью, сшить разлуку.
Но, чу! пока я плачем твой ночлег
смущаю здесь, — летит во тьму, не тает,
разлуку нашу здесь сшивая, снег,
и взад-вперед игла, игла летает.
Не я рыдаю — плачешь ты, Джон Донн.
Лежишь один, и спит в шкафах посуда,
покуда снег летит на спящий дом,
покуда снег летит во тьму оттуда».

Подобье птиц, он спит в своем гнезде,
свой чистый путь и жажду жизни лучшей

раз навсегда доверив той звезде,
которая сейчас сокрыта тучей.
Подобье птиц, душа его чиста;
а светский путь, хотя, должно быть, грешен,
естественней вороньего гнезда
над серую толпой пустых скворешен.
Подобье птиц, и он проснется днем.
Сейчас — лежит под покрывалом белым,
покуда сшито снегом, сшито сном
пространство меж душой и спящим телом.
Уснуло всё. Но ждут еще конца
два-три стиха и скалят рот щербато,
что светская любовь — лишь долг певца,
духовная любовь лишь плоть аббата.
На чье бы колесо сих вод ни лить,
оно все тот же хлеб на свете мелет.
Ведь если можно с кем-то жизнь делить,
то кто же с нами нашу смерть разделит?
Дыра в сей ткани. Всяк, кто хочет, рвет.
Со всех концов. Уйдет. Вернется снова.
Еще рывок! И только небосвод
во мраке иногда берет иглу портного.
Спи, спи, Джон Донн. Усни, себя не мучь.
Кафтан дыряв, дыряв. Висит уныло.
Того гляди и выглянет из туч
Звезда, что столько лет твой мир хранила.

1963

* * *

Воротишься на родину. Ну что ж.
Гляди вокруг, кому еще ты нужен,
кому теперь в друзья ты попадешь?
Воротишься, купи себе на ужин

какого-нибудь сладкого вина,
смотри в окно и думай понемногу:
во всем твоя, одна твоя вина,
и хорошо. Спасибо. Слава Богу.

Как хорошо, что некого винить,
как хорошо, что ты никем не связан,
как хорошо, что до смерти любить
тебя никто на свете не обязан.

Как хорошо, что никогда во тьму
ничья рука тебя не провожала,
как хорошо на свете одному
идти пешком с шумящего вокзала.

Как хорошо, на родину спеша,
поймать себя в словах неоткровенных
и вдруг понять, как медленно душа
заботится о новых переменах.

1961

ОТ ОКРАИНЫ К ЦЕНТРУ

Вот я вновь посетил
эту местность любви, полуостров заводов,
парадиз мастерских и аркадию фабрик,
рай речных пароходов,
я опять прошептал:
вот я снова в младенческих ларах.
Вот я вновь пробежал Малой Охтой
сквозь тысячу арок.

Предо мною река
распласталась под каменно-угольным дымом,
за спиною трамвай
прогремел на мосту невредимом,
и кирпичных оград
просветлела внезапно угрюмость.
Добрый день, вот мы встретились, бедная
юность.

Джаз предместий приветствует нас,
слышишь трубы предместий,
золотой диксиленд
в черных кепках прекрасный, прелестный,
не душа и не плоть —
чья-то тень над родным патефоном,
словно платье твое вдруг подброшено вверх
саксофоном. 23

В ярко-красном кашне
и в плаще в подворотнях, в парадных
ты стоишь на виду
на мосту возле лет безвозвратных,
прижимая к лицу
недопитый стакан лимонада,
и ревет позади дорогая труба комбината.

Добрый день. Ну и встреча у нас.
До чего ты бесплотна:
рядом новый закат
гонит вдаль огневые полотна.
До чего ты бедна. Столько лет,
а промчались напрасно.
Добрый день, моя юность. Боже мой,
до чего ты прекрасна.

По замерзшим холмам
молчаливо несутся борзые,
среди красных болот
возникают гудки поездные,
на пустое шоссе,
пропадая в дыму редколесья,
вылетают такси, и осины глядят в поднебесье.

Это наша зима.
Современный фонарь смотрит мертвенным
оком,
предо мною горят
ослепительно тысячи окон.
Возвышаю свой крик,
чтоб с домами ему не столкнуться:
это наша зима все не может обратно вернуться.

Не до смерти ли, нет,
мы ее не найдем, не находим.
От рожденья на свет
ежедневно куда-то уходим,
словно кто-то вдали
в новостройках прекрасно играет.
Разбегаемся все. Только смерть нас одна
собирает.

Значит, нету разлук.
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
в темноте обнимает за плечи,
и, полны темноты,
и полны темноты и покоя,
мы все вместе стоим над холодной блестящей
рекою.

Как легко нам дышать,
оттого что подобно растению
в чьей-то жизни чужой
мы становимся светом и тенью
или больше того —
от того, что мы всё потеряем,
отбегая навек, мы становимся смертью и раем.

Вот я вновь прохожу
в том же светлом раю — с остановки налево,
предо мною бежит,
закрываясь ладонями, новая Ева,
ярко-красный Адам
вдалеке появляется в арках,
невский ветер звенит заунывно в развешанных
арфах. 25

СОДЕРЖАНИЕ

ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ

Иосиф Бродский (*биографическая справка*) 7

ХОЛМЫ

Рождественский романс 13

Большая элегия Джону Донну 15

«Воротишься на родину. Ну что ж...» 22

От окраины к центру 23

«В тот вечер возле нашего огня...» 29

«Теперь все чаще чувствую усталость...» 31

Зимняя свадьба (Из «Старых английских песен») 32

«Все чуждо в доме новому жильцу...» 33

Холмы 34

«Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам...» 41

Два сонета

1. «Великий Гектор стрелами убит...» 44

2. «Мы снова проживаем у залива...» 45

Исаак и Авраам 46

«Под вечер он видит, застывши в дверях...» 66

«Огонь, ты слышишь, начал угасать...» 69

Глаголы 70

Стихи под эпитафией 72

Песенка о Феде Добровольском	74
Проплывают облака	75
А. А. Ахматовой	78
Сонет («Прошел январь за окнами тюрьмы...»)	80

ANNO DOMINI

«Я обнял эти плечи и взглянул...»	83
Загадка ангелу	84
Ломтик медового месяца	87
«Ты выпорхнешь, малиновка, из трех...»	88
Песни счастливой зимы	89
Развивая Крылова	91
Для школьного возраста	93
Пророчество	94
«Отказом от скорбного перечня — жест...»	96
Anno Domini	98
По дороге на Скирос	101
Элегия («Подруга милая, кабак все тот же...»)	103
Строфы («На прощанье — ни звука...»)	104
Postscriptum	108
Дидона и Эней	109
Шесть лет спустя	111

ФОНТАН

«Садовник в ватнике, как дрозд...»	115
Обоз	116
С грустью и с нежностью	117
В распутицу	119
К северному краю	121
«В деревне Бог живет не по углам...»	123
«Дни бегут надо мной...»	124

«Деревья в моем окне, в деревянном окне...»	125
«Топилась печь. Огонь дрожал во тьме...»	126
Орфей и Артемида	127
1 января 1965 года	128
Вечером	129
Подсвечник	130
<i>Из «Школьной антологии»</i>	
1. Э. Ларионова	132
2. Олег Поддобрый	133
3. Т. Зимина	135
4. Ю. Сандул	136
5. А. Фролов	138
«Сумев отгородиться от людей...»	143
1 сентября 1939 года	144
Послание к стихам	145
Фонтан	147
Прачечный мост	149
Почти элегия	150
Зимним вечером в Ялте	151
Стихи в апреле	152

ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ

Стихи на смерть Т. С. Элиота	155
Одной поэтессе	159
Einem alten Architekten in Rom	162
Письмо в бутылке	168
Новые стансы к Августе	179
Два часа в резервуаре	185
Остановка в пустыне	191
Прощайте, мадмуазель Вероника	194

ГОРБУНОВ И ГОРЧАКОВ	201
---------------------	-----

ПЕРЕВОДЫ. Из Джона Донна	
Блоха	261
Шторм	263
Прощанье, запрещающее грусть	266
Посещение	268

КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

«Второе Рождество на берегу...»	271
Речь о пролитом молоке	273
Открытка из города К.	287
Памяти Т. Б.	288
Песня («Пришел сон из семи сел...»)	300
Письмо генералу Z.	301
Посвящается Ялте	307
С видом на море	328
Конец прекрасной эпохи	332
Разговор с небожителем	335

С февраля по апрель

1. «Морозный вечер...»	343
2. «В пустом, закрытом на просушку парке...» ...	344
3. Шиповник в апреле	345
4. «В эту зиму с ума...»	347
5. Фонтан памяти героев обороны полуострова Ханко	348
Пенье без музыки	349
Октябрьская песня	358
Post aetatem nostram	359
Чаепитие	377
Дебют	379
«Время года — зима. На границах спокойствие. СНЫ...»	381

Литовский дивертисмент

1. Вступление	382
2. Леиклос	383
3. Кафе «Неринга»	384
4. Герб	385
5. Amicum-philosophum de melancholia, mania et plica polonica	386
6. Palangen	387
7. Dominikanaj	388
«Я всегда твердил, что судьба — игра...»	389
Натюрморт	391
Любовь	396
Алфавитный указатель	398